

УДК: 311.313 (474/476)

Н. В. Каледин**ПОСТСОВЕТСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО:
ПРЕДПОСЫЛКИ
И РЕЗУЛЬТАТЫ
РЕГИОНАЛИЗАЦИИ**

Рассматривается регионализация общественных процессов и специфика их проявления на постсоветском пространстве. По мнению автора, она развивается на четырех уровнях — международном (макрорегиональном), субрегиональном, внутрисубрегиональном и страновом. При этом наиболее заметным является международный уровень. Показаны особенности проявления регионализации на каждом из выделенных уровней постсоветского пространства и сделан вывод, что именно на постсоветском пространстве располагается эпицентр процессов регионализации современного мира.

The article deals with the regionalization of social processes and their specific manifestations in the post-Soviet space. According to the author, regionalization is developing at four levels - international (macroregional), subregional, intraregional and on country levels. The most important one is the international level. Specific features of regionalization at each level of the post-Soviet space are described. The author draws a conclusion that the post-Soviet space is the epicenter of regionalization in contemporary world.

Ключевые слова: регионализация, постсоветское пространство, международный (макрорегиональный) уровень регионализации, субрегиональный уровень регионализации, внутрисубрегиональный уровень регионализации, страновой уровень регионализации.

Key words: regionalization, post-Soviet space, international (macroregional) level of regionalization, subregional level of regionalization, intraregional level of regionalization, regionalization on the country level.

Одним из наиболее ярких геопространственных эффектов глобализации и ответной реакцией на нее стала *регионализация* общественных процессов — формирование территориальных (региональных) общностей различного масштаба, обладающих определенным внутренним единством (политическим, историко-культурным, цивилизационным, экономическим и др.). Она проявляется как на международном, так и внутригосударственном уровнях. При этом возникают и обычно накладываются друг на друга региональные общности (используя политико-географическую терминологию В. А. Колосова) *де-юре*, создаваемые целенаправленно, отличающиеся управляемостью и динамичностью развития, и более устойчивые во времени общности *де-факто* [1], в которых целенаправленность и управляемость отсутствуют либо выражены слабо, а для их формирования потребовался длительный исторический период. Тот или иной характер региональных общностей и процессов регионализации задается комплексом конкретно-исторических факторов регионализации.

С точки зрения природы и механизмов (движущих сил) процессы регионализации (как международной, так и внутренней) реализуются в форме двух взаимосвязанных тенденций — *дезинтеграционной* (распад

или его угроза для государств и их объединений, сопровождающиеся появлением новых стран, субрегионов, регионов) и *интеграционной* (формирование региональных общностей в результате объединения территориально-политических субъектов).

Обозначенные особенности регионализации важны для анализа и понимания ее специфики на постсоветском пространстве. Однако выявление современных тенденций требует также учета характера предшествующего исторического развития геопространства, в котором происходят эти процессы.

На протяжении четырех столетий на стыке Европы и Азии, во взаимодействии славяно-православной, западной, исламской и сопредельных с ними цивилизаций происходило формирование специфического в физико-географическом, этно-культурном и цивилизационном отношениях *евразийского макрорегиона*, отличного от европейского, азиатских и др. Как региональная геополитическая система де-юре, складывавшаяся на мультицивилизационной основе, он прошел в своем развитии четыре разнокачественные в общественно-политическом отношении исторические ступени, или региональные геополитические эпохи, — *доимперскую* (Московское государство), *имперскую* (Российская империя), *советскую* (СССР) и *постсоветскую* (Российская Федерация и постсоветские государства). Каждой из них соответствовало специфическое по характеру геополитическое пространство политического и духовного господства и влияния.

При этом можно видеть постепенно усиливающуюся тенденцию его внутренней регионализации, особенно заметную на территориально-политическом уровне. Об этом свидетельствуют, например, различия статуса колониальных окраин по сравнению с остальными административно-территориальными единицами в имперском пространстве, национально-государственная и культурная автономизация советского пространства в рамках советского федерализма и, наконец, активная суверенизация евразийской геополитической системы, трансформировавшейся в постсоветское пространство. Столь же очевиден процесс постепенной экономической регионализации евразийского региона, приведший в конечном счете к оформлению в советскую геополитическую эпоху восемнадцати крупных экономических районов. Таков результат воздействия комплекса конкретно-исторических факторов регионализации на евразийскую региональную общность, что особенно ярко проявилось в становлении постсоветского пространства.

Процесс распада СССР как необходимая предпосылка возникновения новых, постсоветских региональных общностей был обусловлен комплексом *дезинтегрирующих факторов регионализации* — как внешних («холодная» война в отношениях социалистической и капиталистической систем, кризис и распад социалистической системы в Европе в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и др.), так и внутренних в СССР. В частности, обозначившиеся в первой половине 1980-х гг. социально-экономический и идеологический кризисы советского общественного строя обусловили его радикальные изменения в ходе пере-

стройки (1985—1991), которые, в свою очередь, стимулировали новые социально-экономические и политические проблемы, в том числе межнациональные конфликты, сепаратизм национальных политических элит в союзных и автономных республиках. Этому способствовала и «цивилизационная пестрота» советского общества — присутствие в нем различных в этноконфессиональном отношении фрагментов крупных цивилизаций: славяно-православной, западной, исламской, буддистской. Их «сплав» на базе коммунистической идеологии заложил основы формирования новой, «советской» цивилизации. Дезинтеграционная тенденция регионализации советского, а затем и постсоветского пространства проявилась не только в «параде» суверенитетов союзных республик в начале 1990-х гг., но и в появлении в ходе межнациональных конфликтов самопровозглашенных, международно непризнанных государств, ставших очагами устойчивых региональных конфликтов.

Наконец, названный тип регионализации постсоветского пространства стимулировался активизацией интеграционных процессов в Европе (расширение Евросоюза и других евроструктур, НАТО и т. п.), появлением в сопредельных с евразийским пространством новых региональных (Турция, Иран, Индия, Пакистан) и глобально-региональных (Китай) держав, а также новых региональных проблем и конфликтов (Афганистан, Ирак, Косово). Они стали мощными новыми факторами регионализации.

В то же время факторами *интеграционной регионализации*, способствовавшими формированию постсоветского пространства, оставались общность географического, соседского, положения новых территориально-политических субъектов, их длительное совместное историческое развитие в рамках Евразийского региона и, как следствие, сложившаяся политическая и социо-культурная общность народов, единая транспортная система и тесные, взаимонаправленные экономические связи, заложенные централизованной плановой экономикой в СССР, как и исторически традиционная финансово-экономическая зависимость периферийных национальных субрегионов от России. Также интеграцию объективно стимулировали усиливавшиеся глобальные и региональные вызовы и угрозы развитию молодых государств (международный терроризм, наркоторговля, нелегальная миграция и др.).

Рассмотренный выше комплекс предпосылок, факторов и особенностей развития стран «запустил» не только процессы регионализации постсоветского пространства, но и определил их *четырёхуровневую структуру*. С разной степенью яркости они реализуются на международном (макрорегиональном), субрегиональном, внутрисубрегиональном и страновом уровнях.

Наиболее заметным является *международно-интеграционный уровень*, активно воздействовавший на остальные уровни. Он представлен созданными государствами постсоветского пространства международно-региональными общностями де-юре — региональными объединениями и международными организациями экономического, политического и интегрального (комплексного) характера с ярко выраженными

ми управленческими функциями. При этом все более очевидными *геополитическими векторами*, трендами развития таких международно-интеграционных процессов становятся *европейский (евроцентричный) и евразийский (россиицентричный)*, заявившие о себе еще в 1991 г. Они стали векторами *регионализации де-юре* постсоветского пространства.

Хронология регионализации советского пространства и начала его трансформации в постсоветское время была, как известно, скоротечной: Прибалтийские республики (Латвия, Литва, Эстония) вышли из Союза летом 1991 г., а 8 декабря 1991 г. республики-учредительницы СССР (31 декабря 1922 г.) — Белоруссия, Россия и Украина — подписали Соглашение об образовании Содружества Независимых Государств (СНГ), зафиксировав в нем ликвидацию СССР и заявив о стремлении к добровольному сотрудничеству в политической, экономической, гуманитарной и других сферах. Двадцать первого декабря в Алма-Ате (тогда столице Казахской ССР) к ним присоединились Азербайджан (фактически с 1993 г.), Армения, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, подписавшие Декларацию о целях и принципах СНГ. В 1993 г. к ней присоединилась Грузия.

Процессы регионализации, происходившие в дальнейшем на европейском (западном) и евразийском векторах постсоветского пространства, приобрели различный характер, приводя к формированию в этом пространстве евразийского региона де-факто двух новых геополитических субрегионов де-юре — прибалтийского и собственно евразийского.

Европейский вектор межгосударственной регионализации представлен прежде всего *европрибалтийским субрегионом*, включающим три бывших союзных республики советской Прибалтики — Эстонию, Латвию, Литву, национально-политические элиты которых избрали путь интеграции в западноевропейские региональные группировки и исторического возвращения в лоно западной цивилизации. Это был первый шаг в регионализации еще советского пространства летом 1991 г. Дальнейшими ступенями реализации западного вектора интеграции и оформления новой субрегиональной общности стали: создание этими странами Балтийской ассамблеи, вступление в Вышеградскую группу (Центрально-Европейская зона свободной торговли), Западноевропейский союз, ОБСЕ, Совет Европы, Совет государств Балтийского моря, ЕБРР и другие европейские экономические структуры, наконец, выполнение необходимых условий вступления в ключевые интеграционные группировки стран Запада, завершившиеся в 2004 г. вхождением в Европейский союз и НАТО. Это заметно расширило и окончательно оформило балтийскую субрегиональную составляющую общеевропейской региональной общности. «Разрушителем» ее территориально-политической и цивилизационной целостности стал российский эксклав на балтийском побережье — Калининградская область («евразийская Прибалтика»).

Евразийский вектор международных интеграционных процессов для большинства постсоветских государств стал главным и имел своими результатами формирование в 1990-е гг. и в первое десятилетие нового века нескольких международных региональных объединений, среди которых ключевую роль в становлении постсоветского пространства выполняло СНГ. Содружество — главный результат в его регионализации де-юре.

Современное Содружество (на 2007 г.) это — 22,25 млн км² с населением около 280 млн чел. (5 % мирового). Здесь сосредоточено 5 % производства мирового ВВП (3 % из них приходятся на Россию), 10 % мирового промышленного потенциала и 25 % базовых видов природных ресурсов. Сельскохозяйственные угодья составляют 11 % мирового итога, но лишь четверть из них благоприятны для сельского хозяйства.

Главной целью объединения была обозначена *реинтеграция* суверенных республик в международную региональную межгосударственную организацию с единым политическим, экономическим и социальным пространством, но создающимся на новых принципах. В Уставе СНГ зафиксированы сферы совместной деятельности — обеспечение прав и свобод человека, координация внешней политики и обеспечение безопасности, разностороннее экономическое сотрудничество, развитие совместной системы транспорта и связи, охрана здоровья населения и окружающей среды, совместная оборона и охрана государственных границ, социальная и миграционная политика, борьба с организованной преступностью и др. Для их реализации были созданы необходимые органы — более 50 межгосударственных консультативных и координирующих органов, в том числе Исполнительный комитет, Советы глав государств и глав правительств, министров иностранных дел и обороны, межгосударственные и межправительственные советы по важнейшим сферам экономики (энергетики, транспорта, связи, инноваций), Межпарламентская ассамблея и др. Благодаря им сложилась такая структура международных связей, которая позволила учитывать разную готовность стран к интеграции. Каждое из государств получило возможность участвовать в интеграционных процессах в той мере и в тех направлениях, которые отвечали его национальным интересам [2]. Сложились также три политических центра Содружества — Минск, Москва и Санкт-Петербург, где разместились главные межгосударственные координирующие органы, придавшие этим городам региональный статус в постсоветском пространстве.

Роль России как естественноисторического интеграционного ядра отличало Содружество от других региональных группировок и от однотипных по общественному строю стран Центрально-Восточной Европы, также вступивших в период радикальной трансформации своих обществ и международной интеграции. Главной чертой общественного развития государств СНГ стали политические, социально-экономические и идеологические преобразования прежнего социалистического

общества в новое, постсоциалистическое. Эти подлинно революционные изменения происходили посредством заимствования исторического опыта (в том числе не самого современного) заметно социализированных в XX в. и в основном уже посткапиталистических стран Запада (особенно европейских) и во многом при поддержке этих стран. Вот почему наиболее точным термином, обозначающим совокупность происходивших преобразований, повлиявших и на интеграционные процессы, представляется «*вестернизация общества*», но не его «капитализация», хотя и она имеет место. Однако геополитические векторы, темпы, глубина и результаты реформирования были неодинаковы в Центрально-Восточной Европе и на пространстве СНГ.

По большинству аспектов многоплановой деятельности Содружество можно считать вполне состоявшейся международной региональной организацией. К ее несомненным достижениям, особенно в начальный, наиболее сложный, кризисный период развития государств (1992—1997), можно отнести следующие: сохранение в основных чертах системы культурно-исторических и экономических связей на постсоветском пространстве, беспрепятственное и мирное (в отличие от распадавшейся в это время в кровопролитных межнациональных конфликтах Югославии), становление новой государственности, проведение политических и социально-экономических реформ (переход большинства стран к многопартийной парламентской системе, создание механизмов и инфраструктуры рыночной экономики и др.), режим свободной торговли в отношениях между странами, безвизовый режим общения людей, валютный союз, основой которого был российский рубль (по 1993 г.), сдерживание региональных конфликтов на постсоветском пространстве, противодействие внешним угрозам.

Но постепенно эти интеграционные преимущества ослабевали и усиливались дезинтеграционные тенденции, обусловленные действием ряда *новых факторов регионализации*, усиливших во второй половине 1990-х гг. тенденцию дезинтеграции постсоветского пространства.

Этому изначально содействовали размытость правовой и институциональной основы Содружества и почти полное отсутствие финансовых инструментов и механизмов, обеспечивающих сотрудничество. В отличие от многих международных организаций в основополагающих документах СНГ перед государствами-участниками не ставились задачи достижения определенной конечной цели, на них не налагаются обязанности (принцип свободы выбора сфер взаимодействия), а лишь фиксируется их готовность к сотрудничеству [2]. Но были и более весомые объективные факторы, стимулировавшие центробежные тенденции.

Среди них первыми необходимо назвать *разные темпы политических и социально-экономических реформ* в постсоветских странах в 1990-е гг. — ускоренные и более радикальные в России, Казахстане, позднее в Азербайджане, запаздывающие и замедленные на Украине, в Молдавии, этноцентричные в Белоруссии, Узбекистане, Таджикистане, Туркмении. Это было обусловлено многочисленными типологическими различиями между странами географического, историко-культурного,

цивилизационного, политического, демографического и экономического характера, ранее, в СССР, «законсервированными» в условиях жесткой централизации, но весомо заявивших о себе в процессе суверенизации бывших союзных республик и ставших фундаментом дезинтеграционных процессов.

Так, по размерам территории (17,1 млн км²) и, соответственно, природно-ресурсного потенциала, по численности населения (142,5 млн чел. из 270 млн жителей Содружества в 2007 г.) Россия намного превосходит любую из стран и даже их совокупные показатели. Минимальные из названных показателей характерны для Армении, Молдавии, Грузии. Весомы территориальный, ресурсный и демографический потенциалы Украины, Казахстана и Узбекистана, способные обеспечить их успешное экономическое развитие в том числе путем привлечения иностранных инвестиций. Заметно различаются и темпы роста населения: от естественной убыли, сокращения населения на Украине, в Грузии, России, Армении, Молдове и Беларуси (–0,7—0,3 %) до ускоренного роста в Таджикистане, Туркмении, Узбекистане, Киргизии (1,1—2 %). Соответственно обозначенным особенностям контрастно различаются и показатели ВВП (от 2,1 трлн дол. у России, 0,33 у Украины и 0,17 у Казахстана до менее 0,02 у Грузии, Армении, Киргизии, Таджикистана и 0,1 у Молдовы в 2007 г.), а также ВВП в расчете на душу населения (от почти 15 тыс. дол. в России до 6—7 у Казахстана, Беларуси, Украины и до минимальных 1,5—3 у Таджикистана, Молдовы, Грузии). Различны позиции стран и по качеству жизни населения (индексу развития человеческого потенциала): у большинства оно оценивается ООН (2007 г.) как среднее, а у Беларуси и России как высокое. Но места в мировой таблице о рангах (из 187 стран) различны — от достаточно высоких у России (57) и Беларуси (62) до малопривлекательных мест в девятой десятке у Азербайджана, Грузии, Туркмении и минимальных у Киргизии (110), Молдовы (113), Таджикистана (116).

Наконец, различна у государств Содружества и исторически сложившаяся цивилизационная принадлежность, вновь заявившая о себе еще в процессе распада СССР, формировавшего в течение восьми десятилетий новую — советскую — цивилизацию. Россия, Украина, Беларусь, Молдова, Грузия и Армения относятся к восточно-христианской (славяно-православной) цивилизации, а Азербайджан и центральноазиатские страны — к исламской. При этом на западе Украины и Беларуси представлены фрагменты западной цивилизации, а в России, в ряде субъектов, — исламской и буддистской.

Отражением цивилизационных особенностей, в том числе советских, стали различия внутривнутриполитических режимов стран и степени их поддержки странами Запада — от демократических (по западным меркам к ним и, соответственно, к Западу ближе других Украина и Грузия), до авторитарно-демократических по тем же меркам (Россия, Казахстан) и сугубо авторитарных в среднеазиатских государствах и в Беларуси.

Второй, возможно, самый мощный фактор разобщения в постсоветском пространстве — *экономический кризис* и снижения объемов ВВП

в 1990-е гг. (более чем на 50 % к 1991 г. в Таджикистане, Грузии, Азербайджане, Молдове, Украине), а как следствие — сокращение и разрыв традиционных экономических связей, исторически ориентированных друг на друга, их переориентация на новых зарубежных партнеров в Европе, Азии и Америке, сопровождавшиеся также корректировкой и сменой внешнеполитических приоритетов.

В 2000—2005 гг. среднегодовые темпы экономического роста в странах СНГ были самыми высокими в мире (8 %), существенно превышая среднемировые (5 %), темпы Евросоюза (1 %) и большинства развивающихся стран. За тот же период совокупный ВВП Содружества увеличился на 39 %, промышленное производство — на 40 %, сельскохозяйственное — на 20 %, внешнеторговый оборот — в 2,5 раза.

Но несмотря на ускоренное развитие, после масштабных сокращений ВВП за 1990-е гг. (в большинстве стран на 40—60 % к 1991 г.) в 2006 г. в среднем по СНГ удалось лишь достичь уровня советского 1991 г. И только шесть стран (Армения, Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Азербайджан и Россия) в 2002—2006 гг. смогли превзойти его, причем первые три страны — на 30 % и более. Заметно ниже него остаются показатели Молдовы, Таджикистана, Грузии. При этом взаимная торговля стран СНГ обрела устойчивую тенденцию отставания от роста торговли с другими странами мира, то есть ориентации на дальнейшее зарубежье. Если в 1994 г. ее доля в общем внешнеторговом обороте Содружества составляла более 35 %, то к 2005 г. она сократилась до 25 %, в то время как в Евросоюзе охватывает 60 %, в НАФТЕ — около 50 %, в МЕРКОСУР — 30 % всего внешнеторгового оборота этих международных региональных организаций [3].

Не менее опасным по своей дезинтеграционной силе для стран Содружества оказался глобальный финансовый кризис 2008—2009 гг., приведший к новым сокращениям производства и взаимного товарооборота.

Третий дезинтегрирующий фактор — распад в 1993 г. валютного союза и отказ от рубля в международных расчетах, в том числе друг с другом, введение национальных валют, а в дальнейшем — ограничение и, по сути, свертывание сферы свободной торговли, что обеспечило прогресс отмеченной тенденции.

Четвертый, производный от предыдущих, — *разнонаправленные и меняющиеся во времени геополитические векторы развития* («пророссийский», «прозападный», «проазиатский», «многосторонний») правящих национальных элит и выборочная, «индивидуальная» политика «поощрения» и «сдерживания» по отношению к ним со стороны России, США, стран-соседей (Турции, Ирана, Китая), НАТО, Европейского союза, организация «Исламская конференция», других международных организаций (ОБСЕ, Совета Европы и т. п.). При этом Центральная Азия и Каспийско-Черноморский регион с Кавказом стали зонами стратегических интересов США и НАТО в связи с добычей и транзитом (в том числе потенциальными) через них в Европу российских, казахстанских, азербайджанских и туркменских энергоносителей,

а также борьбой с наркотрафиком и международным терроризмом, противодействием стран Запада Ирану. Противоречия же между странами СНГ в сфере топливно-энергетической политики способствуют нарастанию геополитических противоречий, стимулирующих дезинтеграционные тенденции в региональном сообществе.

Пятый — активизация *интеграционных процессов с европейскими региональными организациями* приграничных с СНГ стран Центральной и Восточной Европы, в том числе постсоветских республик (особенно их вступление в НАТО, ЕС в 1999—2007 гг.). Это стимулировало авторитет «прозападного» вектора развития у некоторых национальных элит в СНГ. В свою очередь Евросоюз «разогревает» этот интерес новыми евроинтеграционными проектами — как комплексного характера (вроде «Восточного партнерства», адресованного прежде всего Украине, Беларуси, Молдове, Грузии, Армении, Азербайджану), так и энергетического («Набуко», «Белый поток» и др.).

Шестой — *массовая эмиграция русского и русскоязычного населения* из большинства стран Содружества в Россию (только за 1990-е гг. переместились около 5 млн чел. из более чем 20-миллионной русской диаспоры), что создало для стран и мигрантов серьезные социально-экономические проблемы. К этому следует добавить многомиллионную нелегальную трудовую миграцию коренного населения этих стран (особенно молдаван, украинцев, таджиков, узбеков), прежде всего в Россию.

Седьмой — *энергогеополитический фактор*: экономические и политические противоречия и конфликты между странами СНГ по поводу энергоносителей (нефти и газа прежде всего) — их стоимости, организации и направлений транспортировки и др. Здесь сталкиваются интересы стран-экспортеров (России, Казахстана, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана), транзитных стран («транзитеров») (Украины, Беларуси, России, Грузии) и энергетической политики прежде всего европейских и азиатских стран-получателей нефти и газа. Наиболее конфликтными являются отношения в «энерготреугольнике» Россия — Украина — Евросоюз.

Наконец, разобщению стран СНГ способствовали их *внутренние, преимущественно этнополитические, конфликты* — в Молдавии, Грузии, Азербайджане, России, приведшие к появлению непризнанных государств (Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха, Ичкерии (1996—1999)). Этому же содействовали внутривнутриполитическая нестабильность и конфликты региональных элит на Украине, в Киргизии, Таджикистане. Максимальное выражение данный дезинтегрирующий фактор достиг в августе 2008 г. в результате неудавшейся попытки Грузии военным путем решить ее территориально-политические проблемы (при открытой поддержке Украины и нейтралитете остальных стран), что привело к окончательной независимости Южной Осетии и Абхазии и началу процесса их международного признания сначала Россией, обеспечившей их военную безопасность, а затем другими государствами. Это привело к фактическому выходу Грузии из

СНГ, разрыву дипломатических отношений с Россией и к еще большей активизации ее руководством западного вектора развития.

Весомым фактором углубления регионализации де-юре (как интеграционного, так и дезинтеграционного характера) постсоветского пространства в пределах евразийской региональной общности в первое десятилетие нового века стало формирование новых и активизация ранее возникших межгосударственных структур с участием стран-членов СНГ — Центрально-Азиатского сотрудничества (с 1994 г.) в составе Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и России (вошла в 2004 г.); Евро-Азиатского экономического сообщества (ЕврАзЭС) (с 1995 г.) в составе России, Беларуси, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана; Союза Беларуси и России (СБР) (с декабря 1996 г.); первоначально экономической, а затем и политической («страны демократического выбора») организации ГУАМ в составе Грузии, Украины, Азербайджана, Молдовы (с 1997 г., сначала с участием Узбекистана в 1999—2004 гг.); военно-политического союза стран СНГ — Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) (с 2002 г.), объединившего страны ЕврАзЭС и Армению; Единого экономического пространства (ЕЭП), соглашение о создании которого в 2003 г. подписали Россия, Беларусь, Казахстан и Украина, при непоследовательной, противоречивой позиции последней). В 2006 г. было принято решение о слиянии сходных по задачам ЕврАзЭС и ЦАС.

Таким образом, наиболее тесно связанной международной региональной общностью на пространстве СНГ в настоящее время являются страны-члены СБР, ЕврАзЭС и ОДКБ — Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Армения, а наименее интегрированными в Содружество остаются Грузия, провозгласившая своей целью выход из СНГ, скорейшее вступление в НАТО и Евросоюз, и Туркмения, придерживающаяся в международной политике принципов нейтралитета и минимально участвующая в структурах СНГ.

Кроме того, обозначились *западно- и восточноазиатские направления* интеграционных процессов стран-членов СНГ, добавляющие новые штрихи в регионализацию евразийской части (субрегиона) постсоветского пространства благодаря политической, экономической и социокультурной активности Турции (возрождение идеологии «пантюркизма»), активизации деятельности Организации экономического сотрудничества, организации Черноморского экономического сотрудничества, организации «Исламская конференция» и др. На восточноазиатском направлении это относится прежде всего к деятельности Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) (с 2001 г.) в составе России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Китая; к приграничному сотрудничеству, внешней торговле и совместным проектам России и Китая.

С позиций факторов *регионализации де-факто* — физико-географического, цивилизационного, этнокультурного, исторического и внешнеэкономического, не менее очевиден и *субрегиональный уровень*

регионализации постсоветского пространства на четыре историко-культурных субрегиона — *Европрибалтийский* (Эстония, Латвия, Литва), *Балтийско-Черноморский* (Россия, Беларусь, Украина, Молдова, Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия), *Центрально-Азиатский* (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан) и *Закавказский* (Азербайджан, Армения, Нагорный Карабах, Грузия). Эти региональные общности де-факто, формировавшиеся более трех столетий, не имеют собственной международной управленческой функции, но пока достаточно устойчивы.

Внутренние (в пределах субрегионов) этнокультурные, цивилизационные, социально-экономические и политические различия и сходства стран, их противоречия и привязанности позволяют говорить об еще одном, более детальном уровне регионализации де-факто — *внутри-субрегиональном*, то есть открывают возможности выделения в субрегионах более детальных региональных общностей — специфических групп стран — Литва и Латвия — Эстония, Беларусь — Россия — Абхазия — Южная Осетия, Украина — Приднестровье — Молдова, Казахстан — Среднеазиатская группа стран, Армения — Нагорный Карабах и Грузия — Азербайджан.

Под воздействием тех же причин, рассмотренных выше, в некоторых странах (Россия, Украина, Молдова, Грузия, Азербайджан, Киргизия, Таджикистан) обозначился *внутристрановой уровень регионализации* — в различных формах (этнополитической, электоральной, геополитической и др.) реализуется *политико-географическая регионализация* внутреннего пространства на основе ранее сложившихся *историко-культурных областей*.

Так, *Украина* демонстрирует территориально-политическую дифференциацию на два региона — Западно-Центральный и Юго-Восточный, в России первоначальная тенденция автономизации субъектов Федерации (в 1990-е гг.) сменилась с начала 2000-х гг. тенденцией их геополитической интеграции — сначала в шесть федеральных округов, а затем укрупнением ряда субъектов посредством сокращения их числа, в Киргизии отчетливо обозначились различия между Севером и Югом, без учета которых невозможно устойчивое развитие страны. Не менее очевидными являются примеры Молдовы, Таджикистана, Азербайджана и Узбекистана.

Рассмотренное многообразие (своеобразная «матрешка регионализации») и динамика процессов регионализации постсоветского пространства позволяют без преувеличения говорить о том, что именно здесь последние два десятилетия располагается эпицентр процессов регионализации современного мира.

Список литературы

1. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Политическая география и геополитика. М., 2005.
2. Эксперт. Спец. выпуск. «Жизнь после СССР». 2006. 25—31 дек.
3. 15 лет СНГ: сотрудничество и интеграция. Тематическое приложение к еженедельнику «Экономика и жизнь». 2006. Октябрь.